

О ТЕКСТАХ ЛЕРМОНТОВА

Сообщение Б. Эйхенбаума

I

Дореволюционная история „полных собраний сочинений“ Лермонтова связана с двумя датами: 50-летия со дня его смерти (1891 г.) и 100-летия со дня рождения (1914 г.). С первой датой связано появление трех главных изданий: под редакцией П. А. Висковатова, А. И. Введенского и И. М. Болдакова¹; со второй—появление издания „Разряда изящной словесности Академии Наук“ под ред. проф. Д. И. Абрамовича („Академическая Библиотека Русских Писателей“, вып. 2—6). Это последнее, повторенное перед самой революцией издание² продолжает считаться до сих пор единственно научным и вполне авторитетным.

Между тем за последние 15 лет наша текстологическая техника значительно шагнула вперед и теоретически, и практически. Работа над новыми изданиями классиков началась уже в 1918 г. в тогдашнем Литературно-издательском отделе Наркомпроса (под руководством К. И. Халабаева) и была продолжена в Ленгизе. Появились отдельные выпуски и собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островского, Достоевского, Толстого, Салтыкова. Тексты этих изданий были заново (а некоторые впервые) проверены по рукописям и печатным источникам: многое было заново разобрано и исправлено. Эта широко, не по-коммерчески поставленная практическая работа привела и к осознанию ряда текстологических проблем—к развитию текстологической методологии.

В числе этих новых изданий было и полное собрание сочинений Лермонтова (первое издание—1926 г., последнее, пятое,—1931 г.), но выпущено оно было, по техническим причинам, в виде одномотника, в два столбца. В состав этого издания были введены все новинки лермонтовского текста (очень немногочисленные), а в примечаниях была сделана текстологическая сводка прежних изданий, обнаруживавшая, что по количеству всякого рода ошибок и недоразумений академическое издание стоит ниже всех предыдущих.

Но примечаний, особенно текстологических, у нас не читают, а одномотный („школьный“) тип издания не внушает к себе уважения. В результате не только читатели, но и специалисты прошли мимо этого издания. Так например, в „Книге о Лермонтове“, составленной П. Е. Щеголевым („Прибой“, 1929), все цитаты приведены по академическому изданию, как будто издание Ленгиза не существует. Таким образом репутация академического издания осталась как бы незмыблемой.

Необходимо преодолеть эту традицию, а кстати и разъяснить некоторые проблемы текстологической редактур, которая для большинства читателей представляется делом таинственным, а для иных и подозрительным. Что значит „редактировать“ классиков? Ведь их сочинения печатались при жизни авторов и потом издавались множество раз. Не достаточно ли в этом случае хорошего корректора? Так думают не только многие читатели, но и некоторые руководители издательств. Между тем дальнейшее развитие текстологической редактур, а тем самым и повышение уровня наших изданий классиков сильно зависит от сочувствия этому делу со стороны читателей; сочувствие же зависит от понимания.

II

Основной рукописный фонд Лермонтова, принадлежавший прежде Лермонтовскому Музею при Николаевском кавалерийском училище, находится теперь в Рукописном отделении Института Русской Литературы (ИРЛИ, Ленинград). Этот фонд состоит из 22 тетрадей, заключающих в себе автографы и копии большинства произведений Лермонтова—лирики, поэм, драм и прозы. Дополнением к этому фонду является собрание рукописей Лермонтова Гос. Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в составе которого имеются последние стихотворения 1841 г. (в альбоме, подаренном В. Ф. Одоевским), наброски „Сашки“, автограф „Боярина Орши“, авторизованная копия „Демона“ (1838), автограф драмы „Menschen und Leidenschaften“, авторизованные копии „Княгини Лиговской“ и „Тамани“, а также письма Лермонтова. Небольшие собрания автографов Лермонтова имеются кроме того в б. Чертковской Библиотеке (ныне—в Московском Историческом Музее) и в Рукописном отделении Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина.

Все перечисленные рукописи Лермонтова были давно собраны и использованы редакторами его сочинений (их более подробное описание см. в т. V академического издания).

Но за последние годы, и даже в самое последнее время, найдено несколько новых его рукописей, одни из которых только восполняют пробелы рукописного фонда (самые тексты были известны по печатным источникам), а другие являются новинками в полном смысле этого слова. Среди первых укажем на автографы стихотворений „А. О. Смирновой“ (альбом А. О. Смирновой в ИРЛИ), „Благодарность“ (Исторический Музей в Москве), „На севере диком“ (альбом Юсуповой в ИРЛИ), „К портрету“ (черновой автограф—в собрании С. А. Рачинского (Центрархив, ГАФКЭ), беловой в Государственном Литературном Музее), „Посреди небесных тел“ (там же), „И скушно и грустно“ (там же), „Ашик-Кериб“ (собственность А. С. Голицыной). Укажу еще, что Государственным Литературным Музеем приобретена копия стихотворения „Тучи“ (под заглавием „Тучки“). Копия сделана кем-то из близких к Лермонтову лиц: той же рукой (повидимому—женской) сделана копия „Последнего новоселья“ (авторизованная), хранящаяся в ИРЛИ (тетрадь 15-я). Что касается совершенных новинок—таковы, во-первых, 5 писем: одно, нижепубликуемое письмо к Е. А. Арсеньевой от конца апреля—начала мая 1836 г., одно к П. И. Петрову (1838), впервые опубликованное в „Литературном сборнике“ (Кострома, 1929), два—к С. А. Соболевскому (подлинники—в Центрархиве ГАФКЭ; одно из них напечатано в книге А. К. Виноградова „Мерие в письмах к С. А. Соболевскому“, М., 1928, стр. 72) и одно, нижепубликуемое, к С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. (найдено в архиве Н. С. Голицына в ИРЛИ). Затем в архиве Долгорукова (Гос. Публ. Библиотека) найдена копия очерка „Кавказец“, оставшегося не напечатанным при жизни Лермонтова повидимому по цензурным причинам (опубликовано Н. О. Лернером в журнале „Минувшие дни“ 1929, № 4). Наконец совсем недавно в архиве семьи Якушкиных, приобретенном Обществом политкаторжан, найдена авторизованная копия ранней редакции „Маскарада“, проливающая новый свет на историю текста этой пьесы. Обычный ее текст, всем известный по собраниям сочинений и по театральной постановке,—это текст так называемой „второй редакции“, написанной Лермонтовым после запрещения первой. Первая редакция, о существовании и содержании которой известно только из доклада цензора, не отыскана, но найденная в архиве Якушкиных рукопись очень близка к ней, представляя собой предшествующую ей стадию. Здесь нет фигуры Неизвестного и нет всего четвертого акта, развивающего тему „возмездия“ (по требованию цензуры). Пьеса кончается смертью Нины: надеясь на обещанное Арбениным спасение, она признает себя виновной („Все правда, я преступна, изменила“), на что следует беспощадная реплика Арбенина: „Прощай, мой друг—ты умереть—должна“. Фигура Казарина как вождя шулеров дана ярче и определеннее. Сцена Арбенина с Звездичем в комнате игроков совсем другая: по просьбе Арбенина игроки напаивают Звездича—и он проигрывает все свое состояние. Есть и другие, более мелкие варианты. Новая редакция дает вообще около 600 новых строк Лермонтова³

В архиве Е. А. Карлгоф-Драшусовой оказался листок с двумя стихотворениями, относящимися по видимому к 1837 г.: „Никто моим словам не внимлет“ и „Мое грядущее в тумане“ (см. ниже сообщение Н. Пахомова). В одной частной коллекции обнаружена странная альбомная записка, сделанная рукой Лермонтова, на отдельном листке, ныне переданная в Государственный Литературный Музей. Текст записи следующий

Благодарим тебя,
И будем помнить вечно ямки,
Где каждый неудачно влез
На брюхо оскорбленной самки
И где потом, потупив взор,
Он возвратился к мирной келье
И утопил он свой позор
В веселом дружеском похмелье.

Скромный листочек
помогает поправить надъ павшим
и с ним при твоем изде
происходит: "он и так отпусти!"

(*) Високосный годъ пошелъ — года добрая, развѣ
доселъ мой доброты твоей —
се на ямѣ счастливъ увидѣлъ
и какъ найду тѣхъ людей —
по безприсутствию предавалъ
твоей слабой, падшей, сонливой
и усидѣлъ твоей наравѣ
твоей силѣ. Отъ твоей дражноты.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «БЛАГОДАРНОСТЬ»

Исторический Музей, Москва

Под этой записью стоят две подписи: Лермонтов и Гринев (?). Смысл записи неясен. Надо полагать, что „Ямки“ — название места (имения?), в котором произошло описанное приключение.

III

На первый взгляд может показаться, что издание Лермонтова не ставит никаких особенных текстологических затруднений. Большинство его произведений печатается либо прямо по рукописям (ненапечатанное при жизни), либо прямо по печатным источникам. Единственной сложной и неизбежно спорной проблемой является текст „Демона“.

Положение и в самом деле было бы не очень сложным, если бы оно не было запутано целым рядом более или менее кустарных изданий, накопивших огромное количество всякого рода ошибок и недоразумений. Причин было много: и методологическая

неопытность, и теоретическое неумение, и простая небрежность, и откровенная фальсификация (у П. А. Висковатова). Издание классиков было делом коммерческим — это положение развращало не только издателей, но и редакторов.

Академическое издание к сожалению закрепило эту кустарную традицию и под маркой авторитетнейшего ученого учреждения ввело в оборот совершенно негодный текст Лермонтова. С внешней стороны имеющее вид научного, критически проверенного (текстовые примечания, указания источников, варианты и пр.), издание это сделано и небрежно, и неумело — без осознания текстологических проблем, без всякой методологии, без всяких принципов.

Возьмем самый простой случай — когда имеется один рукописный источник (автограф или копия), который и надо воспроизвести. К этому случаю относятся очень многие вещи Лермонтова: вся юношеская лирика, многие поэмы, все драмы, вся ранняя проза. Начиная от издания 1860 г. и кончая академическим, Лермонтов прошел сквозь руки шести редакторов. Казалось бы, что в результате этой работы рукописи Лермонтова (сравнительно не трудные по почерку) должны были бы быть прочтены окончательно и воспроизведены со всей точностью.

Что же мы имеем на самом деле? Укажу несколько примеров.

В стихотворении „Баллада“ (1829) юноша опускается на дно моря, чтобы достать ожерелье, и возвращается с ним в руке; в автографе затем следуют строки:

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

Это стихотворение впервые появилось в издании „Шиллер в переводе русских писателей“ (под ред. Н. Гербеля, 1863): вместо „н о г а м“ здесь напечатано „о ч а м“. Гербель очевидно решил исправить рифму и предложить „улучшенное“ чтение. И вот, несмотря на совершенную ясность автографа, это исправление переходит из издания в издание. Один из наиболее внимательных редакторов, И. М. Болдаков („Сочинения М. Ю. Лермонтова“, М., 1889—1891 гг., т. IV), дает наконец по автографу; но академическое издание возвращается к Гербелю, ни слова не говоря в примечаниях.

В стихотворении „Как луч зари“ (1830) есть строки:

Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?

В „Отечественных Записках“ 1859 г. „с о ж м е т“ превратилось в „с о ж ж е т“, которое дошло до академического, хотя у Болдакова было исправлено. То же самое в стихотворении „Эпитафия“ (1830), где слово „н е д в и ж н ы й“ превратилось в „н е б р е ж н ы й“.

В стихотворении „Булевар“ (1830) есть строки:

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду.

Вместо этого „в ч а д у“ у Висковатова, вероятно по типографской небрежности, появилось бессмысленное „в с а д у“, которое благополучно доехало до академического издания.

В стихотворении „Баллада“ (1830, из Байрона) выражение „родимый дол“, рифмующее со стоящим внутри стиха „пришел“, превратилось в „родимый дом“, хотя при первом издании (Ф. Шнейдера — „Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений“, Берлин, 1862) напечатано было верно.

В стихотворении „1831-го июня 11 дня“ слово „п е н и л а с ь“ превратилось в „н е ж и л а с ь“, которое и прошло по всем изданиям.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Графини Е. Ростопчиной.

Михаилу Юрьевичу Лермонтову,
в знакъ дружескаго и пожеланнаго
и дружескаго ¹⁸⁴¹уваженія въ него
самому, Петербургъ, 20-е апреля.
1841.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Цена 1 руб. сер.

В стихотворении „Когда надежде недоступный“ (1833/34 г.) слова „Ты жить, устал?“ печатались двойко: у Ефремова — „Ты, бедный пал“, у других — „Ты низко пал“.

В стихотворении „Опять, народные витии“ (1835) вместо слов „Безумцы мелкие“ в печати появилось „жалкие“.

В стихотворении „Слышу ли голос“ (1837) слова „Аз у рн о-глубокие“ превратились в „Аз у р ю глубокие“.

В стихотворении „Они любили“ (1841) начало второй строки во всех изданиях, кроме „Отечественных Записок“ 1843 г. (т. XXXI), печаталось „С т о с к о ю глубокой“ вместо „С т о с к о й глубокой“. Не разбираясь в метрике, редакторы очевидно считали нужным заполнить „недостающий“ слог, не замечая, что в этом „недостатке“ — особенность ритма всего стихотворения.

Наконец — стихотворение, всегда печатавшееся под заглавием „Валерик“ (1840). Автограф этого стихотворения очень черновой и поэтому довольно трудный для чтения. Но, во-первых, никакого заглавия нет — оно очевидно придумано издателем альманаха „Утренняя заря“ (1843), и придумано неудачно: стихотворение написано в форме послания („Я к вам пишу“) и никакого заглавия поэтому не требует. Во-вторых, многие слова читаются совершенно убедительно и ясно, а в печати, начиная с альманаха, утвердились в неправильном чтении: вместо „темный“ печатается „томный“, вместо „братний зов“, — „бранный зов“, вместо „и с лева“ (по старинной орфографии — отдельно) — „из леса“, вместо „остатки“ — „останки“. Мало того: после стиха 215 („Но вечно гордой и спокойной“) Ефремов вставил стих „В своем наряде снеговом“. Вставка эта сделана была Ефремовым очевидно потому, что стих 213 („Синел в дыму пороховом“) не имеет соответствующего отклика в рифме. Но стихотворение это осталось в черновом виде — и спасти положение вставкой несуществующего в автографе стиха более чем наивно. Академическое издание повторило все ошибки предшественников — начиная с заглавия и кончая вставкой стиха.

Элементарными ошибками, искажающими смысл и язык, пестрят также тексты тех поэм Лермонтова, которые не были напечатаны при его жизни. Строка „Еще не все ты потерял“ („Кавказский пленник“) была прочитана Висковатовым неверно — „Еще невесты не терял“ и в таком виде перешла в академическое издание; слово „прошлец“ превратилось в „пришлец“ („Джюлио“), „клевы“ — в „клявы“ („Литвинка“), „насытит“ — в „но сытит“ („Последний сын вольности“), „след“ — в „свет“ („Ангел смерти“), „ради“ — в „рады“ и т. д.

Из этого обзора видно, что в академическом издании не было сделано самой необходимой работы — проверки текста по рукописям. Из прежних изданий академическое роковым образом следует обычно именно тому, где текст искажен. Отметим кстати, что редактор академического издания настолько не свыкся с почерком Лермонтова, что воспроизвел в виде факсимиле копии, приняв их за автографы (см. факсимиле из „Боярина Орши“, „Сказки для детей“, „Любовь мертвеца“, „На севере диком“, „Испанцы“).

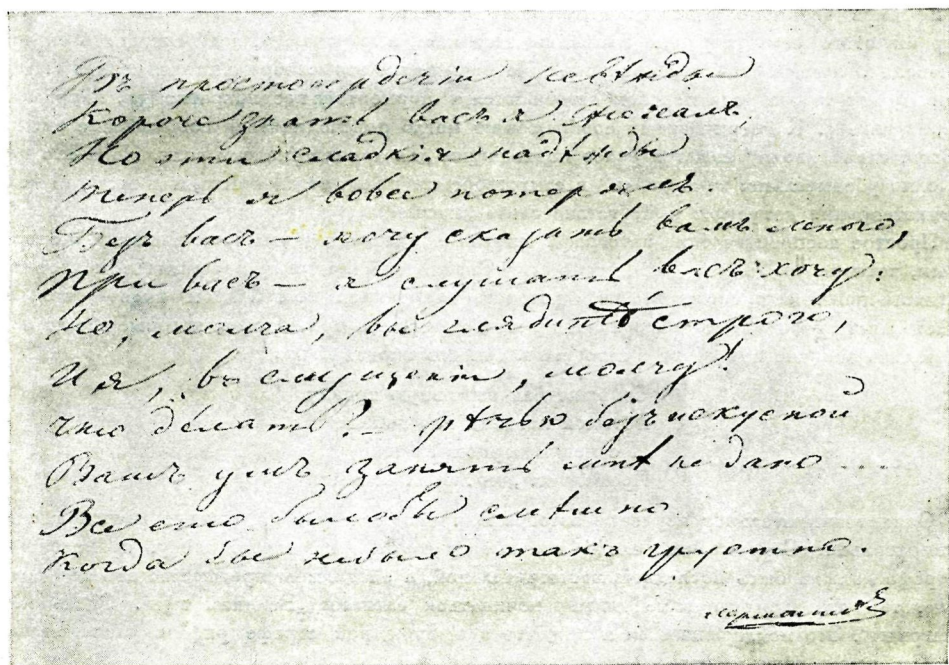
В одном случае редактор академического издания оказался совершенно самостоятельным и оригинальным, но тоже не к добру: в стихотворении „Чума“ (1830), написанном октавами, он решил отступить от традиции и прибавить к третьей строфе неполный 9-й стих: „И наконец ударил час“; на самом деле — это черновой вариант к стиху „И час пробил“ (5-я строфа), что видно хотя бы из того, что он отсутствует в белой копии.

IV

Часто редактору приходится иметь дело с такими случаями, когда рядом с авторизованной копией сохранился и черновой автограф, с которого была сделана копия. В этих случаях редактор должен сверить копию с автографом, потому что переписчик всегда ошибается, а автор очень часто не замечает многих ошибок. При редактировании многих авторов тщательная сверка копий с автографом составляет самую сложную и вместе с тем самую главную задачу редактора. Так например, произведения Л. Тол-

стого переписывались на машинке последовательно по 10—15 раз, после каждой новой правки. Каждая новая копия прибавляет некоторое количество ошибок, незамеченных автором; последний текст (последняя авторизованная копия) оказывается таким образом насыщенным ошибками, исправить которые можно только последовательным движением назад — к автографу.

„Испанцы“ Лермонтова печатаются по авторизованной копии, но черновой автограф частично сохранился. При сверке обнаруживаются ошибки переписчика: вместо „стонет“ — „стоит“, вместо „укор“ — „урок“, вместо „спасенья нет“ — „спастися чем“, вместо „схватите“ — „свяжите“ и т. д. Эти ошибки переписчика перешли в печатные издания, а к ним прибавились еще редакторские ошибки, особенно многочисленные в академическом издании. В результате текст „Испанцев“ оказывается очень далеким от подлинника.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «В ПРОСТОСЕРДЕЧИИ НЕВЕЖДЫ...»

В АЛЬБОМЕ А. О. СМИРНОВОЙ

Институт Русской Литературы, Ленинград

В „Боярине Орше“ переписчик написал „Тоской невольности томим“ вместо „по вольности“, незамеченная автором ошибка прошла по всем изданиям именно потому, что копию (хотя и авторизованную) не сверяли с автографом.

Надо кстати сказать, что академическое издание часто отступает от всех предыдущих, опуская какое-нибудь слово, прибавляя новое или заменяя прежнее новым; при проверке оказывается, что все это — просто фантазия академического наборщика, почему-то одобренная академическим редактором. В „Menschen und Leidenschaften“ например „мальчишка“ заменен „мальчиком“, „смех“ превратился в „хохот“, „далекой“ — в „дальний“, „долгую“ — в „добрую“ и т. д. В „Вадиме“ „остановившаяся“ превратилась в „окаменевшая“, „несколько грошей“ — в „несколько медных грошей“, „вокруг церкви“ — в „вокруг деревни“, „голода“ — в „холода“ и т. д. Очевидно корректуры издания не сверялись редактором с подлинниками, в результате чего в одном „Вадиме“ оказалось около ста ошибок.

При наличии одной копии без автографа редактор оказывается иногда в трудном положении именно потому, что не может установить ошибок переписчика, хотя и предполагает их. В стихотворении Лермонтова „Волны и люди“ (1830) есть такой случай, до сих пор остающийся спорным. Единственный источник этого стихотворения — копия (тетрадь XX, № 40); строки 5—6 написаны так:

Волнам их неволя и холод дороже
Знойных полудня лучей.

При первом печатании (посмертном — в „Библ. для Чтения“ 1845, т. 68) текст не был изменен и в таком виде был повторен в ряде изданий (у Дудышкина, у Висковатова и в первом издании Введенского); но Ефремов заподозрил здесь ошибку и вместо слова „неволя“ напечатал „воля“. Это чтение принято и в академическом издании (без всякой оговорки в примечаниях).

Ефремов вероятно руководствовался метрическими соображениями: все остальные строки этого стихотворения написаны дактилем, а строка 5-я, если сохранить слово „неволя“, оказывается амфибрахием. Но решающим это соображение не может быть, потому что такого рода перебои встречаются у Лермонтова неоднократно (ср. например в „Русалке“). К метрическому соображению могло присоединиться соображение смысловое: слово „воля“ кажется более подходящим для характеристики волн. Но и это не вполне убедительно: тема „воли“ в стихотворении никак не раскрыта, и поэтому смысл стихотворения допускает присутствие слова „неволя“.

Простое воспроизведение автографа оказывается иногда делом тоже сложным и спорным, хотя бы он даже не был черновым. Среди ненапечатанных самим Лермонтовым стихотворений есть одно, автограф которого сохранился не в полном виде — верхняя часть листа оторвана, так что начала нет. Сохранились три строфы, которые всегда печатались так, как они стоят в автографе, так что первой была:

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: „он любил отчизну!“

Однако внимательное изучение автографа приводит к выводу, что это расположение неправильно. Сохранились следы значков, указывающих перестановку: приведенная строфа должна быть последней, заключительной, а ей должны предшествовать две другие, так что стихотворение должно начинаться словами „Великий муж! Здесь нет награды“. Это поддерживается и тем, что в приведенной строфе рифмы расположены иначе, чем в двух других.

V

Перейдем к другим текстологическим типам.

У Лермонтова есть произведения, не сохранившиеся в рукописях, но напечатанные им самим дважды или трижды. При сличении этих печатных текстов оказываются некоторые различия, и редактору приходится решать природу или происхождение этих различий, учитывать возможность типографских погрешностей, корректорских исправлений и пр. При этом положении первопечатный текст до известной степени заменяет рукопись.

Есть у Лермонтова стихотворение, всегда печатающееся под заглавием „1-ое января“ (в акад. изд. — „Первое января“). Впервые оно появилось в „Отечественных Записках“ (1840, т. III): здесь вместо заглавия стоят три звездочки, а „1-ое января“ стоит сбоку, как дата. Вторично это стихотворение, без всяких текстовых изменений, появилось в сборнике 1840 г. Здесь, по мотивам оформления, устранены все звездочки, так что стихотворение начинается прямо первой строкой: „Как часто, нестрою толпою окружен“; но при этом дата „1-ое января“ недостаточно сдвинута вправо (как было в журнале) и отпечатана жирным шрифтом, почему и выглядит заглавием. Это типографское недоразумение было канонизовано всеми изданиями, и стихотворение стало называться „Первое января“.

Worming

175

Как на вихре удрученъ рыва,
Наводна, какъ сабля и меча;
Звучаща нестара слова
въ устахъ ихъ колотъ прутьею.

Еще правится Дюгес киндер,
как устал и в кресла привалился,
она ускользает как зима,
порхает и удивляет как птичка.

нашъ мѣсяцъ все
новѣе и радостнѣе и горѣ.
Вы знаете какъ намъ вѣчно;
въ душѣ и мѣсяцъ какъ въ нѣтъ

то истинно. Десница въ ней все,
но въ ней и лѣвая рука!
Кончитъ невозможно се,
Зато не кончитъ не возлюбленна

Deposition

Имя собственное ~~фамилия~~ Мертвцова.

Знаю, что вы не можете не согласиться с моим мнением. Я. М. Мухоморов

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «К ПОРТРЕТУ»

Внизу автографы В. Ф. Одоевского и П. А. Вяземского

Государственный Литературный Музей, Москва.

Другой случай — „Песня про царя Ивана Васильевича“. Это произведение было напечатано при жизни Лермонтова тоже дважды: в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ (1838, № 18) и в сборнике 1840 г. Отличия последнего текста от журнального внушают сильное подозрение. Во время печатания сборника Лермонтов был на Кавказе, так что корректур править не мог. С другой стороны, отличия текста 1840 г. от текста 1838 г. производят впечатление чужой корректорской правки или простых погрешностей: так „три дни“ превратились в „три дня“, „ходят“ (народная окраска) — в „ходят“, „смотрют“ — в „смотрят“, „выду“ — в „выйду“ и т. д. Мало того: стихи 41—44 вовсе отсутствуют — очевидно по недосмотру (перескок от одного „Вот“ к другому — обычная типографская погрешность при повторении одинаковых слов). Все это делает естественным вывод: „Песню“ надо печатать не по сборнику 1840 г., а по „Литературным прибавлениям“ 1838 г. Редактор академического издания указывает в примечаниях, что текст „Песни“ печатается по „Литературным прибавлениям“, но на самом деле воспроизводит текст 1840 г. со всеми дефектами (за исключением пропуска стихов 41—44, отсутствие которых объясняет „цензурными причинами“).

Наивность редакторов иногда вырастает до пределов анекдота. В стихотворении „Три пальмы“ есть строки:

И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

Совершенно ясно, что „в степи“ здесь — винительный падеж, отвечающий на вопрос „куда“. Болдаков почему-то заподозрил здесь описку или ошибку и, оставив текст неприкосновенным, сделал в примечаниях следующее конкретное предложение: „А ветром их в степи потом разнесло — если подчеркнутое нами слово употреблено в предложном или местном падеже, — как тому повидимому следовало бы быть, — то ему придано неправильное ударение, что однако ж исправимо простой перестановкой: А ветром в степи их потом разнесло“ (Полн. собр. соч. М. Лермонтова, 1891, т. II, стр. 366.) Почему разнести можно только где-нибудь, а куда-нибудь нельзя — непонятно. Это очевидно результат какого-то языкового затмения. И что же? Редактор академического издания, в других случаях очень невнимательный, в данном случае решил прислушаться к этому мудрому предложению и поступить смелее: он произвел указанную перестановку в самом тексте, а в примечаниях заявил, что „на необходимость (!) перестановки слов в 54 ст. указано в изд. И. М. Болдакова“. Так можно переставить очень многое в любом тексте!

К рассматриваемому текстологическому типу относится и „Герой нашего времени“. „Бела“, „Тамань“ и „Фаталист“ были первоначально напечатаны в журналах, а целиком роман был напечатан при жизни Лермонтова дважды: в 1840 и 1841 гг. Отличия этих печатных текстов настолько незначительны, что никакой текстологической проблемы не представляют. Печатать роман нужно по изданию 1841 г. с исправлением некоторых погрешностей по предыдущим печатным текстам.

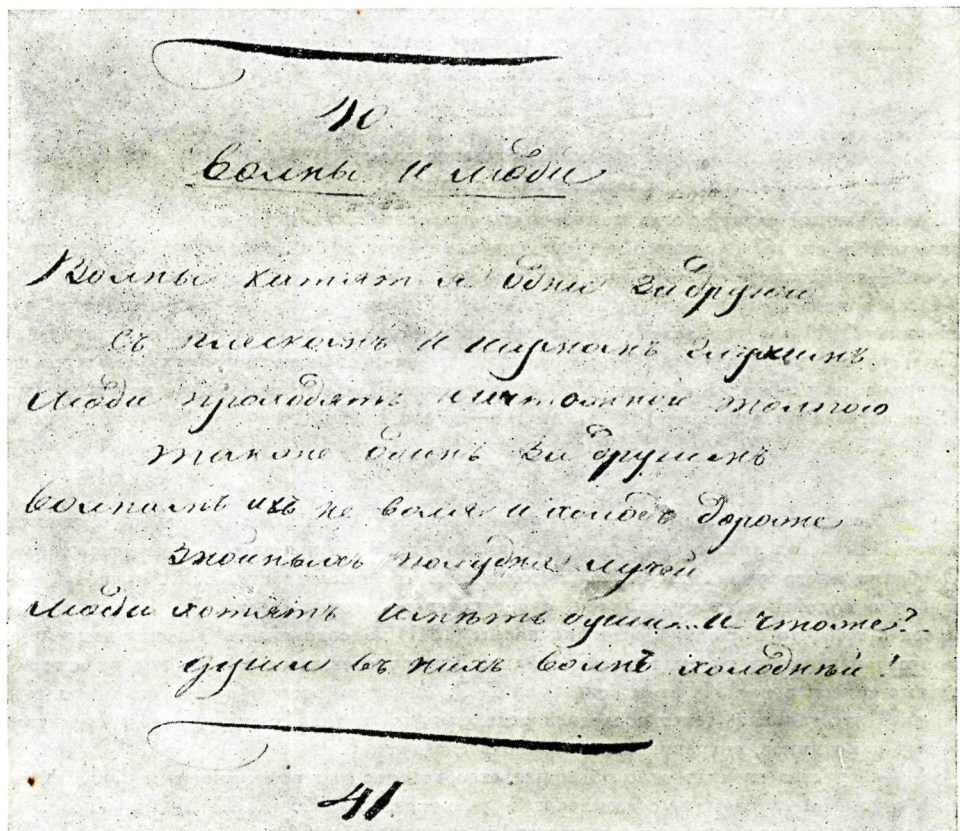
Но академическое издание ухитрилось и в этом простейшем случае наполнить текст ошибками, то повторяя ошибки других изданий, то прибавляя новые. Почему-то ни в одном собрании сочинений роман не разделен на две части, как это сделано в обоих прижизненных изданиях, — академическое издание повторяет этот недосмотр. А далее идут ошибки в словах.

Дудышкин напечатал вместо „кобыл“ — „кобылиц“; это проникло к Ефремову и Введенскому и конечно повторено редактором академического издания (хотя было исправлено у Висковатова и Болдакова). „Хорошей“ во всех собраниях превратилось в „хорошенькой“. Старинное „между них“ у Ефремова превратилось в „между ними“, а отсюда перешло в академическое издание. „Размена чувств“ во всех собраниях превратилось в „размен чувств“ и т. д. К этому присоединились оригинальные ошибки академического издания (главным образом — пропуски слов), и в результате текст „Героя нашего времени“ оказался в нем менее удовлетворителен, чем во всех предшествовавших изданиях.

VI

Теперь останавлиюсь на тех произведениях Лермонтова, которые кроме прижизненных печатных текстов сохранились и в рукописном виде. В этом случае у редактора есть возможность выправить дефекты печатного текста и использовать авторскую пунктуацию, обычно искаженную в печати.

О пунктуации редактор академического издания вовсе не думал или, наоборот, думал слишком много: она дается не по рукописям, а по соображениям редактора или корректора—и в результате часто не только искажена интонация, но и нарушен смысл. Но это уже общий дефект наших изданий классиков, который только в последнее время начали осознавать. А вот примеры, касающиеся слов.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «ВОЛНЫ И ЛЮДИ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

В стихотворении „Русалка“ стих 19-й и в журнале, и в сборнике 1840 г. напечатан так:

И в чело и в уста мы в полуденный час.

В копии (сохранившейся в Рукописном отделении ИРЛИ) этот стих написан иначе:

В чело и в уста мы в полуденный час.

Печатный стих содержит типичную для Лермонтова и для этого стихотворения анакрузу (ср. „И старалась она“, „И шумя и крутятся“ и т. д.). Но Введенский решил почему-то следовать в данном случае копии (приняв ее очевидно за автограф, в чем не сомневается и редактор академического издания), а редактор академического издания—

следовать Введенскому. С другой стороны, в стихе 17-м печатные тексты дают „кольца“, тогда как в копии—„кольцы“. Такого рода формы множественного числа у Лермонтова часты, и есть полное основание считать, что в этом случае копия воспроизводит автограф правильно.

В стихотворении „Журналист, читатель и писатель“ стих 86-й всегда печатался так: „Живое, светлое творенье“. Между тем в автографе, с которого делался набор в сборнике 1840 г., он читается иначе: „Живое, свежее творенье“. Ясно, что здесь—обыкновенная опечатка.

Наконец „Мцыри“. Поэма была впервые напечатана в сборнике 1840 г. (как я уже говорил, в отсутствие Лермонтова и потому с несомненными дефектами), но сохранилась рукопись (частью—авторизованная копия, частью—автограф). При сравнении рукописи с печатным текстом обнаруживаются некоторые отличия, но почти все они должны быть отнесены за счет типографских погрешностей: „дальные“ превратились в „дальние“, „горючею“—в „горячею“, „лицо к лицу“—в „лицом к лицу“, а строки:

Ты помнишь: в детские года
Слезы не знал я никогда.

напечатаны так:

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда.

Единственный случай, когда можно подозревать авторскую поправку,—это слово „бессильный“ в ст. 167 (в автографе было сначала „бессильный“, исправленное на „направленный“,—возможно, что Лермонтов потом вернулся к первому варианту).

Итак вопрос об издании „Мцыри“ очевидно должен решаться так: печатается по сборнику 1840 г. с исправлениями по рукописи. Редактор академического издания избрал другой более мудрый путь: в первом издании он в примечаниях ссылается на автограф, во втором на сборник 1840 г., а на самом деле печатает один из указанных выше случаев по сборнику 1840 г., другие—по автографу.

VII

Остается вопрос о „Демоне“. По этому вопросу накопилась довольно обширная текстологическая литература, которая однако скорее запутала его, чем разъяснила. Особенно много тумана напустило „методологическое“ исследование Е. В. Аничкова⁴, решившего подойти к этому вопросу с средневековой точки зрения. Вся сложность вопроса в том, что последняя редакция поэмы (1841) не сохранилась и при жизни Лермонтова напечатана не была, а сохранились многочисленные и совершенно не авторитетные списки с нее. На этом основании Е. В. Аничков решил путем сопоставления списков восстановить текст последней редакции (по методу восстановления средневековых памятников, сохранившихся только в списках).

Но он упустил из виду одно обстоятельство, которое дает возможность и право обойтись в данном случае без средневековой учености. В 1856 и 1857 гг., в Карлсруэ, „Демон“ был напечатан отдельными изданиями, история которых, к счастью, довольно точно раскрывается благодаря свидетельствам близких родственников Лермонтова—А. П. Шан-Гирея и Д. А. Столыпина⁵. Эти свидетельства совершенно неопровержимо доказывают, что карлсруйские издания, и только они, печатались по авторитетным рукописям, которые и затерялись в процессе печатания поэмы. Дополнительные указания имеются еще в письмах к П. А. Висковатову (хранящихся в Рукоп. отд. Гос. Публ. Библ.) дочери А. М. Вережагиной-Гюгель (1884) и священника И. Базарова, принимавшего участие в издании 1857 г.

Не буду приводить здесь самый материал—ему место не в общем обзоре, а в специальном комментарии к „Демону“. Вместо сопоставления списков, предложенного Е. В. Аничковым, достаточно сопоставить все факты и свидетельства, касающиеся карлсруйских изданий,—и вывод напрашивается сам собой.

Карлсруйские издатели (А. И. Философов) имели в руках сначала копию с последней редакции „Демона“, подаренную Лермонтовым В. А. Бахметевой, а потом полу-

чили и самый автограф (от Д. А. Столыпина, которому А. П. Шан-Гирей отдал его после смерти Лермонтова). Издание 1856 г. воспроизводит текст копии, поэтому в нем отсутствует часть диалога Тамары с Демоном (о боге—„Зачем мне знать твои печали“ и т. д.), исключенная Лермонтовым по цензурным соображениям; приведенные в списках варианты взяты из автографа, полученного во время набора. Издание 1857 г. воспроизводит текст автографа и тем самым является своего рода поправкой к предыдущему. Пока рукописи, по которым печатались карлсруйские издания, не найдены, издания эти, и только они, заменяют собой эти рукописи и являются единственным авторитетным источником текста. Вопрос только в том, как комбинировать эти два издания, естественно расходящиеся между собой в некоторых деталях.

Как же решил эту проблему „Демона“ редактор академического издания? Он решил ее не средневековым, а еще более древним—античным способом: подобно Александру Македонскому, он не стал развязывать этот запутанный узел, а просто разрубил его. „Демон“ напечатан в академическом издании по корректурным листам январской книжки „Отечественных Записок“ за 1842 г.

Какова же мотивировка этого неожиданного решения?

История карлсруйских изданий, по словам редактора, „очень неясна и загадочна“. Д. А. Столыпин, по прочтении статьи Шан-Гирей, написал Фету, что последнюю, написанную и переправленную рукою Лермонтова рукопись „Демона“ он действительно получил от Шан-Гирей и передал ее А. И. Филосову для напечатания в Карлсруэ. „При теперешних обстоятельствах,—пишет Столыпин,—я один могу засвидетельствовать, что издание „Демона“, появившееся в Карлсруэ, есть именно перепечаток с рукописи, данной мне Шан-Гиреем, и которая представляет, по словам его, последнюю исправленную редакцию „Демона“, а авторитет А. П. Шан-Гирей во всем, касающемся Лермонтова, должно считать неоспоримым по их близким отношениям“.

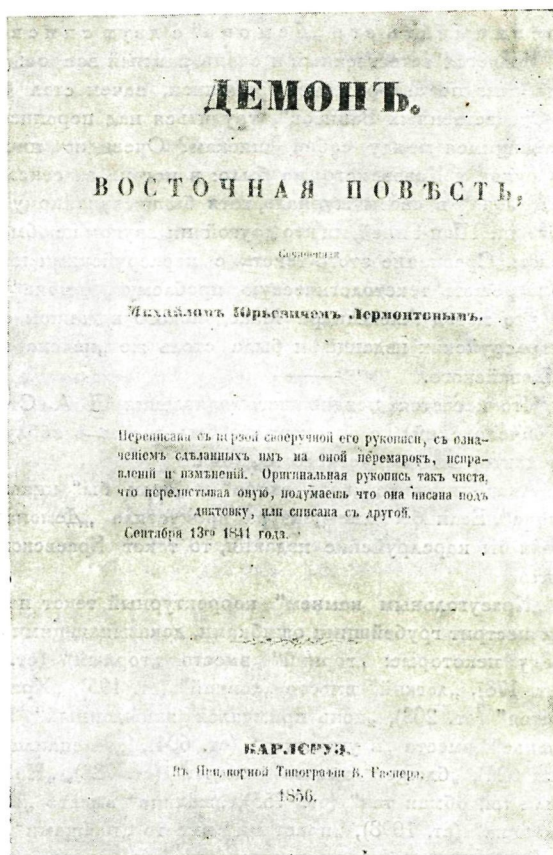
Это заявление не содержит в себе ничего „загадочного“ и вполне поддерживает сделанный выше текстологический вывод. Но далее оказывается, что Столыпин „по ошибке сообщил неправильные сведения Фету о рукописи „Демона“ и что самый верный текст именно тот, который сохранился в корректурных листах „Отечественных Записок“. Эти слова Д. А. Столыпина сообщил П. П. Кончаловский в письме к П. А. Ефремову (24 февраля 1891 г.)⁶.

Это новое заявление Столыпина несколько неожиданно, но оно не вносит никакой „загадки“ в историю карлсруйских изданий и даже не касается их. Уж если что загадочно, так скорее история и смысл самого этого заявления. Кончаловский сообщил Ефремову, что Столыпин заявил ему, Кончаловскому, что он, Столыпин, ошибся... в чем? Все же в том, что карлсруйские издания печатались по автографу Лермонтова, переданному Столыпиным Филосову,—об этом в письме нет ни слова. Под чьим-то воздействием Столыпин решил выступить в роли текстолога и заявить, что „самый верный“ (т. е. самый последний?) текст „Демона“—корректурный. Возможно, что Кончаловский неправильно понял Столыпина; возможно что Столыпин получил ложную информацию относительно корректур „Отечественных Записок“; несомненно наконец, что Столыпин был плохим текстологом, а потому суждение его о том, какой текст „Демона“ самый верный, не имеет для нас никакого значения. Почему в этом вопросе Д. А. Столыпин должен быть для нас авторитетом и судьей? От него как от свидетеля нам достаточно одного факта, нигде не опровергнутого: автограф Лермонтова, исправленный автором в 1841 г., он передал Филосову для напечатания в Карлсруэ.

Но редактор академического издания решил действовать иначе. Не вникнув даже в действительный смысл сообщения Кончаловского Ефремову, он решил, что заявление Столыпина снимает все проблемы: корректуры „Отечественных Записок“ сохранились—по ним и надо печатать „Демона“!

Какова же история этих корректур? Она гораздо более „неясна и загадочна“, чем история карлсруйских изданий. Известно только одно: Лермонтов собирался печатать „Демона“ в „Отечественных Записках“, но потом раздумал и взял рукопись обратно. Что осталось в руках у Краевского (издателя „Отечественных Записок“) — неизвестно. По-

ЭКЗЕМПЛЯР «ДЕМОНА»
ЛЕРМОНТОВА, ИЗД. 1856 г.
Публичная Библиотека,
Ленинград

сле смерти Лермонтова он хотел сейчас же напечатать „Демона“, но цензура не пропустила полного текста. К этому моменту и относятся корректурные листы поэмы, датированные 9 декабря 1841 г. Самая эта дата и некоторые другие факты склоняют к выводу, что набор поэмы делался в „Отечественных Записках“ по какому-нибудь совершенно неавторитетному списку, после смерти Лермонтова, и что поэтому сохранившиеся корректурные листы не имеют никакого текстологического значения.

Но редактор академического издания думает иначе. Он даже не задается вопросом о происхождении корректуры, а просто заявляет: „Коль скоро корректура поэмы была в руках редактора 9 дек. 1841 г.“, то не появилась она в журнале не по воле Лермонтова, а по цензурным причинам. Отсюда вывод: „если бы не простая случайность в виде цензурного запрещения, то „краеугольным камнем“ всех дальнейших изданий „Демона“ послужили бы „Отечественные Записки“ за январь 1842 г. с их „первопечатным текстом“.

Увы! Так мог думать старик Д. А. Столыпин, но ведь он и не был текстологическим редактором. Дело обстоит совсем не так просто.

VIII

„Коль скоро корректура поэмы была в руках редактора 9 дек. 1841 г.“, толь же скоро мы можем предполагать, что набор делался по какому-нибудь посмертному списку. И в самом деле, 8 февраля 1842 г. Белинский сообщил И. И. Ханенке, что „Демон Лермонтова запрещен в „Отечественных Записках“, где был напечатан целиком“⁷, а 17 марта того же года он писал В. П. Боткину: „Знаешь ли, с чего мне вздумалось разглагольствовать о Лермонтове? Я только вчера кончил пе-

реписывать его „Демона“ с двух списков, с большими разнициами¹⁸.

Является естественный и очень важный вопрос: если бы корректура Краевского была набрана по авторитетной рукописи, зачем стал бы Белинский, ближайший сотрудник „Отечественных Записок“, трудиться над перепиской „Демона“ по каким-то двум расходящимся между собой спискам? Очевидно ничего подлинного или авторитетного в руках у Краевского не было: в погоне за сенсацией он решил поскорее напечатать „Демона“ в своем журнале, хотя бы по случайному неавторитетному списку. Характерно, что ни Шан-Гирей, ни кто другой ни звуком не обмолвились об этой корректуре и о Краевском. Сравнение этого текста с карлсруйскими изданиями должно привести к выводу, что решать текстологическую проблему „Демона“ по Д. А. Столыпину не приходится и что метод Александра Македонского в данном случае неприменим, хотя бы история карлсруйских изданий и была столь же „неясна и загадочна“, как история мидян у Иловайского.

Что касается позднейшего заявления Д. А. Столыпина (если его правильно понял Кончаловский), то он очевидно был введен в заблуждение, как и его последователь — редактор академического издания.

Академические „коль скоро“ и „если бы“ никак не решают вопроса о тексте „Демона“. Если бы даже цензура пропустила „Демона“ в журнале, а в 1856—1857 гг. вышли бы карлсруйские издания, то текст Краевского все равно пришлось бы забраковать.

„Краеугольным камнем“ корректурный текст не мог бы стать просто потому, что и он пестрит грубейшими ошибками, доказывающими недоброкачество списка. Приведу некоторые: „горний“ вместо „гордый“ (ст. 55), „призрак“ вместо „признак“ (ст. 178), „легкий“ вместо „ловкий“ (ст. 195), „Храпя несется с крутизны“ вместо „кошится“ (ст. 208), „конь примчался запыленный“ вместо „запалёный“ (ст. 290), „в утешенье“ вместо „в умиление“ (ст. 604), „затешила земля“ вместо „затешился живой“ (ст. 624), „блещет“ вместо „плещет“ (ст. 738), „Но если ты — обман, то я“ вместо „Но если ты, обман тая“ (ст. 755), „жалкие“ вместо „женские“ (ст. 765), „дальних“ вместо „давних“ (ст. 1098), „пластами“ вместо „плащами“ (ст. 1107). Наконец диалог Тамары с Демоном о боге, отсутствовавший в списке для „высоких особ“, отсутствует и в тексте академического издания, а стихи 657—716 взяты из карлсруйского издания 1857 г. без всяких объяснений. Вот вам и „краеугольный камень“! Уж если называть корректурный текст „Демона“ камнем, то скорее могильным.

Д. А. Столыпин был очевидно плохим текстологом и слушаться его было рискованно. Ни в одном издании Лермонтова нет тех нелепостей, которые явились в академическом — вроде „запыленного“ коня, который удивительным образом несется с крутизны, или вроде слов Тамары: „Но если ты — обман (?), то я... (?)“. Самое обыкновенное „читательское“ сопоставление (не „средневековое“) этого текста с текстом карлсруйских изданий достаточно, чтобы признать корректурный текст недоброкачественным.

Много вопросов возникает еще по поводу датировок лермонтовских произведений. Совершенно неясна например датировка поэмы „Сашка“ (текст которой, надо кстати сказать, тоже очень неавторитетен). Датировалась поэма обычно 1836 г., но дата эта очень подозрительна; есть основания относить ее к 1839 г. Подозрительна также датировка „Измаил-Бей“ 1832 г., неясны даты некоторых лирических стихотворений и т. д.

Многие стихотворения Лермонтова остаются до сих пор загадочными, потому что неизвестны их адресаты. Так например, не установлено, кто такая Н. Ф. И. (Иванова?), к которой обращен целый цикл стихотворений 1831 г. и которая сыграла в эти годы не менее важную роль в жизни Лермонтова, чем впоследствии В. А. Лопухина. Относительно одного стихотворения 1836 г., остававшегося до сих пор тоже загадочным, можно высказать довольно убедительную и интересную догадку. Я имею в виду стихотворение начинающееся словами: „Великий муж! Здесь нет награды“ (первая строфа оторвана). Сопоставление разных фактов приводит к тому, что это стихотворение обращено к П. А. Чаадаеву и написано после известной истории по поводу его „Философического письма“¹⁹. Прежними биографами и редакторами вообще не учтена связь Лермонтова с кругом лиц, образовавших в конце 30-х годов „кружок шестнадцати“, свя-

занных через И. С. Гагарина, с Чаадаевым. Обследование этого кружка — очередная задача биографии Лермонтова. Здесь разрешение вопроса о среде Лермонтова, оставшейся до сих пор загадкой.

Для подлинно-научного издания Лермонтова требуется еще много редакторской работы. Ощущается нужда и в новом историко-литературном исследовании творчества Лермонтова. Его личность и биография привлекли к себе на протяжении последних лет внимание многих беллетристов (Павленко, Большаков, Сергеев-Ценский и др.), но научных работ было очень мало и все они более или менее устарели. Между тем поэзия Лермонтова совсем не устарела и продолжает воздействовать на новых поэтов (например на Пастернака). То же самое относится и к его прозе. Надо надеяться, что подготовляемое к печати новое издание (уже не в одном томе, а в пяти), во-первых, преодолеет наконец традицию дореволюционного академического издания и, во-вторых, послужит поводом для исследований вопросов литературной биографии и творчества Лермонтова.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ До того были неполные собрания: 1842 г., 1847 г. (Смирдина), 1860 г. (под ред. С. Дудышкина, повторенное в 1863 г.), 1873 г. (под ред. Ефремова, повторенное в 1880, 1882, 1887 и 1889 гг.).

² В 1916 г. (успели выйти вторым изданием тт. I, II, и III).

³ Эта новая редакция „Маскарада“ напечатана в т. III „Полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова“, выпускаемого изд-вом „Academia“ (под редакцией Б. М. Эйхенбаума).

⁴ Методологические замечания о тексте „Демона“, („Известия Отд. русск. яз. и слов.“ 1913., т. XVIII, кн. 3).

⁵ См. статью А. П. Шан-Гирея — „М. Ю. Лермонтов“ („Русское Обозрение“ 1890, т. IV, август) и две статьи П. К. Мартынова — „Новые сведения о М. Ю. Лермонтове“ и „Висковатовский список поэмы М. Ю. Лермонтова „Демон“ (в книге „Дела и люди века“, т. II, 1893 г. и т. III, 1896 г.). Статьи Мартынова сами по себе — источник не авторитетный, но в них приведены не внушающие сомнений и совпадающие с сообщениями Шан-Гирея показания Д. А. Столыпина.

⁶ Цитаты из писем Столыпина к Фету и Кончаловского к Ефремову приведены в академическом издании без указания источников. Надо полагать, что письма эти находятся в чьих-нибудь частных руках.

⁷ „Письма“, т. II (СПБ., 1914), стр. 278.

⁸ Там же, стр. 284. Первая цитата в академическом издании есть, а второй нет.

⁹ Подробную аргументацию см. в комментарии к этому стихотворению т. II „Полного собрания сочинений“ М. Ю. Лермонтова, выходящего в издательстве „Academia“.